

© 2002 г.

А СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Татарстанское региональное отделение РОС (председатель член-корреспондент Академии наук Татарстана, профессор В.В. Иванов) обсудило проблему парадоксальности сознания и поведения, выдвинутую в монографии Ж.Т. Тощенко "Парадоксальный человек" (М.: Гардарики, 2001. 398 с). По мнению В.В. Иванова, постановка вопроса выходит за пределы данной монографии - она затрагивает многие актуальные проблемы, стоящие перед социальными науками и, в первую очередь, перед социологией. В процессе обсуждения участники дискуссии стремились ответить на поставленные вопросы, критически проанализировать их, найти собственную трактовку этого неоднозначного феномена. Если сгруппировать прозвучавшие высказывания, то можно выделить следующие темы, которые и явились предметом обсуждения.

О правомерности постановки проблемы

Г.П. Мягков (д.и.н., проф. КГУ): Взяв книгу Ж.Т. Тощенко, нельзя не обратить внимание на ее название. Автор явно претендует на продолжение тематики весьма значительного ряда произведений, в центре внимания которых лежат "образы—понятия", как-то: "Homo ludens" (Й. Хейзинга), "Homo economicus" (Э. Шпрангер), Homo historicus (Б.М. Лепешко) и т.п. В известном смысле, все они бросают вызов классической дефиниции "Homo sapiens", претендуя на переосмысление и самого человека, и того элемента, который, по мысли авторов, играет роль особо значимого "носителя" его видовой сущности.

Попытка Ж.Т. Тощенко предложить анализ "парадоксального человека" - "уникального (!) и удивительного явления", по словам предпосланной книге аннотации, разумеется, не случайна. Не случайна уже потому, что автор справедливо фиксирует "достаточно устойчивую тенденцию возникновения и существования особого вида противоречий, объем и масса которых увеличивалась по мере непрерывного изменения сложившихся экономических и политических отношений, слома образа жизни и стиля жизни, нарушения устоявшихся стереотипов и национального менталитета" (с. 6).

Хотя автор и критикует постмодернизм, он все же в постановке темы исследования близок к характеристикам постмодернистского знания, сформулированным Ж.-Ф. Лиотаром. В центре интереса постмодернистов лежит не эволюция, не развитие, а **конфликты**, столкновения, соответственно - зоны конфликтов и пограничные состояния. Именно столкновения в этих зонах порождают "паралогичное". В результате новая, "постмодерная наука", по словам Лиотара, «меняет смысл слова "знание" и **приходит к отрицанию какого бы то ни было прогнозирования**. Именно здесь, на "разломе" двух парадигм, на мой взгляд, возникает первый "парадокс": автор, если я его правильно понял, стремится осмыслить базовые компоненты социологии и перевести ее как науку из разряда "регистрающих" в "плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человека» (с. 26).

В результате парадокс, по Тощенко, это уже не только и не столько дар мышления, некая эвристическая ценность, объясняющая тот или иной процесс как, скажем, "перевертывание" смысла. Нет, это разрыв между культурно-нравственными ценностями, некими идеальными образами и "прозой" жизни с ее насилиями, эгоизмом, антисоциальными явлениями.

Ж.Т. Тощенко, в соответствии с постмодернистской практикой, "схвачиваемой" очень часто в предпосылаемых к главам книг сентенциях мыслителей прошлого или в народных пословицах (см., например: "Если нельзя, но очень хочется, то можно". С. 343), на всем протяжении книги обнажает рождение парадоксального. В основе лежат ощущения, что

современная культура утратила надежные процедуры разграничения порока и добродетели, прекрасного и безобразного, реального и мифа. Парадоксальный человек как бы восстает против "бескризисного развития", основанного на господстве закона, нормы и т.п. Возникает представление, что смысл авторского парадоксизма, открывшего благодаря пост-модернистскому разрыву бездну всего и вся, состоит в поиске ответа на вопрос: где все же найти опору для человека, для выхода социума из этой "бездны". Следовательно, автор претендует на выдвижение одного из альтернативных проектов объяснения жизни социума.

И все же в этом "проекте", на мой взгляд, многое не связывается. Во-первых, основой книги стала опора на социологический материал, соотносимый с сознанием общества в целом или той или иной социальной группы. Как правило, так и "формируются" парадоксы. Ограничусь таким примером. В 80-е годы - утверждает автор, справедливо констатируя тенденцию, установленную на основе социологических исследований, в советском обществе утверждается положительное отношение большинства работающего населения страны к рынку (в 1988 г. идею рынка разделяли немногие, в мае 1990 - 43% людей, в 1991 и 1992 - от 70 до 80%). Гайдаровские реформы привели большинство людей к негативной оценке рыночных реформ. В результате родился "парадокс": "общественное сознание, поддерживая рыночные преобразования, категорически и безапелляционно настроено против субъектов этих преобразований, против тех, кто реально и на деле олицетворяет изменение экономической жизни в России" (с. 142). Но ведь по этой модели можно найти "парадоксы" где, когда и сколько угодно: и в ситуации 1859-1861 гг., и в ситуации столыпинской "революции", и в ситуации рубежа 20-30-х гг. XX в. и т.п. Парадоксальным бы было иное: если бы ощутившие на себе все тяготы этих, с позволения сказать, реформ, продолжали поддерживать их "авторов".

Книга как бы соткана из множества тонких наблюдений, обладает особым эвристическим потенциалом как **целостное** произведение. В то же время при обращении к конкретным фрагментам обнаруживаются положения, с которыми трудно соглашаться. Так, в интересной главе "Историческое сознание и историческая память: состояние и парадоксы" ставится и исследуется вопрос о качественных характеристиках исторического мышления, исторической памяти - коллективной и личной. Среди прочих рассуждений автор обращается к установленному социологическому факту о том, что 62% опрошенных первенство при самоидентификации своей "гордости" отдали этнической принадлежности, а не гордости за Родину, за свой город, коллектив. К тому же, считает сам Тощенко, "человек не в меньшей мере должен гордиться своей личной историей". Из этого посыла и формулируется "парадокс": "мы сталкиваемся с удивительным парадоксом, когда гордятся своей страной, своим народом, и не видят в судьбе этой страны, этого народа кирпичик личной исторической памяти" (с. 193). Автор называет это, повторим, "удивительным парадоксом", но здесь нет ведь парадокса. Вывод основывается на исследовании В.И. Меркушина ("Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки", **май-июнь 1990 г.**, выборка 2196 чел.), которое само - вне исторического поля, вне динамики: оно обнаружило только срез. Те же 62% подрастают в 90-е годы, очевидно, к максимуму, особенно в условиях падения международного престижа "государства" и т.п. На самом деле, парадокс в том, что 62% - это даже мало для 1990 г., для условий, когда еще действовала официальная "программа": "наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз", и эти 62% - скорее, реакция против официальных установок, тем более, что уже активно действовали национальные движения... Не ясна и география проживания этих 2196 человек.

Книга Ж.Т. Тощенко - не только констатация, обнаружение и описание современного состояния российского социума, позволившие глубоко прочувствовать многомерность исторических явлений и процессов, которые не могут не состоять из парадоксов. Опыт ученого важен, на мой взгляд, прежде всего как программа изучения огромного количества остро поставленных вопросов, программа для коллективов социологов на долгую перспективу. Эта книга - призыв специально изучать общественное сознание, не эпизодически, а по известным программам, и с этой точки зрения она сама такую программу "допроса" общественного мнения предлагает. И нам, в РТ интересны эти вопросы: "замеры" более всего помогли бы определению направлений политики, методов и приемов ее реализации.

В заключение еще один вопрос: какой все же человек в центре внимания автора. И, думаю, здесь у ученого ответа нет. Парадоксальный человек - это не идеальный человек, это, скорее, некое состояние "растерянного" человека, человека кризисного общества. Для

западной цивилизации, как известно, для общества модерна свойственен "одномерный" человек - сильный, жесткий, прямолинейный, без комплексов (некий Шварценегер). Он - следствие массовой потребительской культуры, которой он не сопротивляется. Из описанного состояния этот "одномерный человек", человек без парадоксального мышления может быть выведенным только всеобъемлющим кризисом, шоковым процессом или событием, подобным случившимся 11 сентября 2001 г. Поэтому согласимся с Панариным, что и на самом Западе, и в России модерн был позитивен, пока в его итоге выигрывали лучшие элементы социума - наиболее квалифицированные, образованные, добросовестные. И в этих условиях не приходится говорить о парадоксальности поведения или о формировании противоречивых реакций. Но совершенно иная складывается ситуация, когда "модерн", явленный в России после развала советской системы, отмечен в судьбе конкретного человека не созиданием, а разрушением привычной среды, разложением социальных связей, растлением личности. И тут-то обнаруживается "парадоксальный человек". Кто он? Человек будущего? Вряд ли. По общей направленности размышлений Ж.Т. Тощенко, - это все-таки субъект, не нагруженный некой парадоксальностью. А таковым он будет, как субъект, ориентированный на культурные, духовные, экологические приоритеты. Как придти к этому, какие механизмы задействовать? Ответа в книге нет. Он может быть дан, очевидно, вне собственно социологических изысков.

В.В. Иванов: На наш взгляд, анализ парадоксов поведения человека можно углубить рассмотрением его отношения к проблеме смысла жизни. Из истории науки и из опыта повседневной жизни мы знаем ряд толкователей этой проблемы, которые пытались уменьшить значение самоценности человеческой жизни либо путем ссылок на важность виртуальной жизни, либо с помощью призывов к самоотречению и жертвенности во имя "будущего". Человек должен быть счастлив здесь, на Земле, не в чужой, а в своей жизни. Но счастлив не за счет других и не в ущерб другим. Понимание смысла существования человека во многом влияет на парадоксы его поведения. Каждый человек имеет затруднения в объяснении происходящего. Способность ориентироваться в различных ситуациях, выявить тенденции развития в значительной мере определяется широтой кругозора личности, методологическим подходом к теоретическому анализу действительности, то есть теми качествами, которые вырабатывают социально-политические науки. Отсутствие культуры, общей фактической образованности ("образованщина"), по Ж.Т. Тощенко, сопровождается не только низкой социальной активностью личности, но и проявлениями растерянности в принятии решений, их непродуманностью, необоснованностью, то есть фактами, которые влияют на парадоксы поведения.

Л.А. Бурганова (д.с.н, проф. КГТУ): Содержание монографии Ж.Т. Тощенко шире названия, поскольку она представляет собой не только заявленное социологическое исследование феномена человека, всех сфер его жизнедеятельности. Это по существу опыт выработки новой историософии. Обращенная к исследованию кризисного состояния российского общества, в котором сплелось ярко и противоречиво множество прежних и новых тенденций, книга по существу претендует на исследование культуры как целого, анализ форм жизни и мышления, ментальности общества. Предпринятый анализ повседневности, жизни общества во всех его проявлениях поднимает на новый уровень понимание характера и масштабов трансформации сознания и поведения людей в постперестроечной России.

Поднятая тема вписывается в общее русло методологических поисков мировой социологии последнего десятилетия XX века, получивших название постмодернизма. Хотя, замечу, сам автор не причисляет себя к постмодернистам, а, напротив, критикует во введении к работе постмодернизма за недооценку "объективных аспектов жизни индивида", за абсолютизацию "субъективного фактора".

Суть своей концепции социологии автор формулирует в категориях "социологии жизни", имея в виду, что она "оперирует показателями отношений людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут" (с 27).

Не вдаваясь в подробный анализ постмодернизма как феномена культуры постсовременного общества, выделю те черты исследования Ж.Т. Тощенко, которые позволяют квалифицировать его методологию как близкую к постмодернистской. Она, на мой взгляд, проявилась, в частности, в установке исследователя не на "нарратив прогресса", а на дискуссии конфликта и кризиса. Исследовательская платформа автора удивительным образом

воспроизводит одну из основных характеристик постмодернистского знания, как это было сформулировано Ж.-Ф. Лиотаром в его программной работе "Постмодернистское состояние: доклад о знании" (1979). В этой работе французский философ указывает, что прагматика постмодернистского знания имеет мало общего с поиском результативности. Работать над доказательством, пишет Лиотар, значит искать конкретный пример: разрабатывать аргументацию значит искать "парадокс" и легитимировать его с помощью новых правил игры. На мой взгляд, именно в этом и состоит основной пафос книги.

Совместима ли злободневность с научностью?

А.Х. Бурганов (проф. РГТУ, академик Академии наук Татарстана): Монография понравилась мне своей острокритической направленностью. Взять главу о политической элите (термин применительно к нашим условиям взят в кавычки). То есть ее, как таковой, у нас нет, нами правят люди, фактически, на это не имеющие ни интеллектуальных, ни нравственных оснований. В книге Тощенко я нашел научно-социологическое обоснование своему давнему тезису о том, что первый клан российской государственной бюрократии погубил царскую империю, второй клан - советскую империю, третий - "доканывает" постсоветскую Россию. И "доконает", если в ее рядах не обнаружится деятель, способный справиться со своими "сукиными сынами", как это имело место быть в США (Ф. Рузвельт), во Франции (де Голль), у нас (В.И. Ленин). "Бог любит троицу" - формула одной из закономерностей российского бытия; поэтому я считаю, что нынешний, третий, клан господствующей бюрократии либо окончательно угробит свое государство, либо найдется противостоящая ей сила в лице гения, единственно способного, по Гегелю, спасти нацию, стремительно идущую к политическому упадку.

В то же время, мне представляется, что автор феномен парадоксальности трактует слишком расширительно: очень уж много у него парадоксов, немалое число из которых, по моему, не являются таковыми. Что, видимо, прежде всего объясняется невероятно сложной, беспредельно нелепой, подлой и т.п. ситуацией, в которой мы пребываем. Разграничить парадокс, нелепость, глупость, подлость и т.д. подчас просто очень трудно, если не сказать: невозможно. Кто знает: ведь не исключено, что человек и его бытие вообще насквозь парадоксальны, поскольку, как гласит народная мудрость: "человек полагает, а Бог располагает" (нередко ставя его в дурацкое положение: "хотели как лучше, получилось как всегда", - не единожды резюмировал один из наших златоустов).

И тем не менее. Согласно автору, поведение декабристов - сплошь представителей господствующего класса дворян - парадоксально (против своего класса!). С моей же точки зрения, было бы парадоксально, если бы их не было, если бы класс дворян был настолько маразматичен, интеллектуально и нравственно ущербен весь, что не мог выделить из себя лучших людей. Например, как в СССР, к концу его существования, когда к моменту его краха, вследствие сталинских систематических отстрелов, практически не осталось в самой номенклатуре - к тому же классе-узурпаторе, пришедшем к власти не естественно-историческим путем - талантливых свободно мыслящих деятелей (в наличии были лишь зашоренные всякого рода "измами", но недовольные этим почти-демократы и еще пробравшиеся к власти борцы против привилегий, чтобы самим обладать ими и куда больше, чем любой бывший коммунистический бонза). История свидетельствует: в господствующем классе, если он таковым стал естественно-исторически, всегда найдутся спасители Отечества, когда он явно исчерпывает свое историческое время.

Мне представляется, что настоящий (не мнимый) парадокс находится в ряду факта, который случился с Лениным. Он возглавил революцию, создал государство "диктатуры пролетариата" как орудия, создающего социализм. А незадолго до своей кончины под фигурным листком формулы о вынужденности "коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм" фактически отказался от социализма и начал строить "народный капитализм", можно сказать, молниеносно давший блестящие результаты. Как тогда заметил У. Черчилль, он (Ленин) всю свою жизнь промышлял ниспровержением всего и вся и, наконец, - ниспроверг самого себя.

Или такой парадокс. В общественное сознание русских издавна внесены понятия о "Святой Руси", соборности и пр. Между тем, считать русский народ религиозным было бы ошибкой. Этот парадокс в свое время был подмечен В.Г. Белинским: русский мужик крестится правой рукой, в то же время левой чешет задницу. Если ситуация с того времени и изменилась, отнюдь не в лучшую сторону. Далеко не в лучшую... И так продолжится,

если при массовой нищете "святые отцы" будут блистать в золоте да в парче, будут строить храмы с многомиллиардными капвложениями и т.п.

Или еще пример. Коммунистическая диктатура причинила народу столько бедствий, как ни один предшествующий ей режим. Однако до трети электората до сих пор голосует за коммунистическую партию, которую было бы правильно запретить и публично судить. Этот феномен нельзя объяснить лишь тем, что ее члены - это бывшие и часть нынешних номенклатурщиков. Нет. Суть этого парадокса в том, что прогресс обеспечивается единицами талантов-гениев при одном неперемennom условии - поддержке их миллионами обычных, средних людей, - в этом и состоит решающая роль масс в истории, то есть большинством. Народ без конца обманывать нельзя, и не столь потому, что это безнравственно (политика и нравственность, известно, - категории несовместные!), сколь потому, что это опасно провалом. Наши горе-"реформаторы" не понимают этого, и реформы народом отторгаются, он в преобразованиях не участвует, он не субъект, а, как было всегда на Руси, - объект реформы. Коммунисты же это хорошо понимали. Они медленно, мизерно, примитивно, но улучшали жизнь народа. Когда же этот ресурс был исчерпан, они крахнули в одночасье. (Правда есть и другая точка зрения: советы пролетариев приобщили к унитарам (чем прекратили их хождение по большой нужде "до ветру"), что и погубило, по А.А. Зиновьеву, Советскую власть).

Значимость работы Ж.Т. Тощенко я вижу не столько в ее положительных сторонах. А в том, что она, в некотором роде, я бы сказал - зеркало нашего сегодня, он подробно описал, причем, буквально, во всех сферах жизнедеятельности народа, нелепости наших реалий. Следовательно, кроме научного значения, она актуальна политически. Беда только в том, что те, кого она касается, не читают научных трудов, не прислушиваются к ученым, потому как они "сами с усами". В этом, быть может, одна из причин интеллектуальной и нравственной ущербности государства, поглотившего общество, не позволяющего ему стать гражданским.

В.В. Иванов: Очень важен и злободневен тезис о важности историзма, исторического контекста. Возьмем всем понятный вопрос: каковым было реальное общественное сознание наших отцов после 1945 года? Оно отличалось гордостью за страну. Эту гордость восприняли мы, поколение, родившееся до войны и сразу после войны. Нашу гордость, пожалуй, можно было сравнить с гордостью афинян при Перикле в 5 или спартанцев при царе Агисилае в 4 в. до нашей эры. Для гордости были основания, мы были победителями не только в войне против фашизма, но и первыми в Космосе. К сожалению, это очень парадоксально: оптимистическая традиция сегодня поменялась на пессимистическую, на депрессию.

Конечно, многие историки, ранее воспевавшие все "отечественное", сегодня, очернив прошлое России, проявили свою парадоксальность не только из-за методологической ограниченности. Они служат тем, кто им платит. Оплывая дореволюционное прошлое, достижения советской жизни, эти алтынные специалисты оказываются в противоречии с реальным историческим процессом, с исторически общественным сознанием народа. По этому поводу недоумевали еще А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой. Прочитируем Л.Н. Толстого. "Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?... читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории) невольно приходишь к вопросу: что грабили или разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли" (*Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений, М., 1952. Т. 48. С. 124*).

Этот тезис Л.Н. Толстого актуален, как ни парадоксально, и сегодня. Более того, как известно, Ж.Т. Тощенко является крупным специалистом в области исторической социологии, что подтверждается в данном случае содержанием главы "Историческое сознание и историческая память" и содержанием всей книги. Особенно в свете вышесказанного примечателен небольшой по объему раздел книги "Историческое знание - каково оно". Я бы советовал этот раздел прочитать всем авторам вузовских и школьных учебников!

А есть ли новизна в проблеме парадоксальности человека?

Л.А. Курганова: В центре внимания автора - современное общественное сознание в России. Осуществляя своеобразный опыт его конструирования, Ж.Т. Тощенко избирает необычный ракурс исследования - и именно в этом состоит новаторство его подхода -

изучение общественного сознания и поведения сквозь призму анализа парадоксов. Более того, автор претендует на выявление особого социального типа личности - парадоксального человека, ставшего продуктом сложного переплетения социально-культурных и экономических условий кризисной России.

Каждое общество, как известно, кровно заинтересовано в определенном, наилучшем образом соответствующем ему типе личности и потому затрачивает огромные усилия на формирование необходимого социального характера. Так, например, в индустриальном обществе востребованным типом социального характера стал, по М. Веберу, экономический человек как воплощение высшей степени рациональности. Если оперировать категориями Р. Линтона, выделившего модальный и идеальный тип личности, то можно предположить, что парадоксальный человек представляет собой именно модальный тип личности, реально преобладающий в данном обществе. А парадоксальность как доминантная черта российской личности может свидетельствовать о ее деструктивности, кризисности, что не может не тревожить.

Новизна авторского замысла обнаруживается также в выработке им социологического подхода к исследованию парадоксов - в рассмотрении парадоксов не только как особой формы выражения общественного сознания, но как "проявляющихся в реальной жизни, в процессе осуществления различных видов деятельности" (с. 53).

Нельзя не заметить новизну и своеобразие уже в самом подходе Ж.Т. Тощенко к формулированию определения общественного сознания как "реального, практически функционирующего сознания, в котором в самых различных комбинациях, в самых причудливых сочетаниях органически переплетаются теоретическое (научное) и обыденное сознание" (с. 20). Автор, таким образом, стремится дать разъяснение своим теоретическим и методологическим позициям, предлагая такое определение общественного сознания, которое позволило бы расширить и обогатить теоретические и методологические подходы и возможности его познания, выявить новый класс проблем, которые ученый квалифицирует как "метаморфозы современного общественного сознания".

Авторская рефлексия содержит оригинальный подход, и во многих отношениях, на мой взгляд, носит характер личностного, субъективного восприятия. Добавим и такое наблюдение, что многим его рассуждениям присущ налет философской отвлеченности, хотя автор и старается избежать абстрактных схем, догматических предпочтений. И все же ему подчас недостает социологического материала для репрезентативности обобщений. Не всегда ему удается избежать и соблазна морализаторства, обусловленного четко заявленной мировоззренческой позицией автора.

Высоко оценивая осуществленный анализ парадоксальности, выскажу свою точку зрения по некоторым затронутым в ней вопросам. Думается, что многие наблюдения и выводы автора носят дискуссионный характер. Прежде всего, это замечание относится к позиции автора рассматривать парадоксы не только как проявления противоречивости логики познания, но и как противоречивости самой действительности, проявляющиеся во всех видах деятельности людей. Собственно говоря, в этом и видится автором специфика социологического подхода к парадоксам, который по существу может быть выражен в формуле "панпарадоксизма".

Мне представляется, что в многочисленных примерах парадоксального поведения, приведенных автором в монографии, можно увидеть не столько парадоксы, сколько проявления ролевых напряжений, ролевых конфликтов, а также конфликтов ценностей цели и средств их достижения. Трудно согласиться, например, с автором, в том, что маргинальная личность сама по себе автоматически несет на себе печать парадоксальности (с. 89). В этом случае, очевидно, уместно говорить о дуальности идентификации, но не о парадоксальности сознания, поскольку это естественно для индивидов, находящихся на грани двух культур.

Рассуждая о парадоксальности экономического сознания и поведения россиян, автор видит его проявление в том, что "общественное сознание, поддерживая рыночные преобразования, категорически и безапелляционно настроено против субъектов этих преобразований" (с. 142), хотя сам же приводит доводы, что оно и не могло быть иным, поскольку эти субъекты олицетворяют худшие грехи. Это просто жулики, мафия. Тогда в чем же здесь парадокс? Было бы парадоксом, если бы все было наоборот.

И то же самое можно увидеть в приведенном автором примере с парадоксами во взаимодействии "производитель-потребитель" (с. 144), когда наш потребитель, настроенный патриотично, все же отдает предпочтение при удовлетворении своих потребностей иностранным товарам, поскольку они и лучше, и дешевле. На мой взгляд, это нормальная реакция человека, и было бы как раз парадоксальным, если бы он действовал наоборот.

Ведь он думает не о поддержке западной экономики, а о том, как выжить, то есть срабатывает адаптационный механизм, а он, как правило, не бывает парадоксальным.

Также трудно усмотреть проявление парадоксального в "развитии полярности в культуре: с одной стороны, расцвет масс-культуры, с другой - увеличение объема претензий на элитарную культуру" (с. 259). Очевидно, противоречие между этими видами культур не носит парадоксального характера, а просто выражает способы бытия культуры в условиях современного общества - одна для большинства, другая для узкого круга людей.

М.А. Нугаев (профессор): С нашей точки зрения, автор несколько преувеличивает феномен парадоксальности общественного сознания, особенно в той ее части, в которой описываются парадоксы современного общества. Те или иные противоречия и социальные конфликты всегда были присущи общественной жизни, и книга только выиграла бы, если бы рассмотрение по крайней мере некоторых парадоксов проводилось в конкретно-историческом контексте.

Е.А. Михалева (аспирантка КФЭИ): Несомненно, каждый из нас во многих ситуациях, сам того может быть не осознавая, выступал в роли "парадоксального человека". Так, зачастую мы придерживаемся одних ценностей, а обстоятельства вынуждают нас поступать абсолютно по-другому. Внутриличностные конфликты, пронизывающие "парадоксального человека", существуют в любой сфере: в семье, на работе, в бытовых ситуациях и т.д.

Однако, на мой взгляд, "парадоксальность" действий любого человека можно воспринимать двояко: с точки зрения самого человека и под углом общественного восприятия его поступков. Так, в этой связи хочется отметить, что сам человек зачастую не оценивает свое поведение как "парадоксальное", так как при осуществлении любого действия он руководствуется вполне разумными и известными ему мотивами, ведущими к достижению известной для него, вполне рациональной, цели. И именно поэтому в первом случае поведение человека, на мой взгляд, нельзя расценивать как "парадоксальное". И, напротив, "парадоксальным" оно будет с точки зрения общественной оценки тех же самых действий, так как обществу непонятны мотивы и цели отдельного человека.

Спорные проблемы

Н.П. Рябов (доцент): Меня интересуют так называемые парадоксы "экономического человека" (терминология М. Вебера). Что из себя он представляет в наших постсоветских условиях? Во-первых, "экономический человек" во многом равнодушен к официальной идеологии. Для него главное - это обмен, продажа, тяга к комфорту и престижу. Во-вторых, это, если так можно выразиться, компетентный эгоист, атомизированный индивид с независимыми предпочтениями. Он стремится к собственной выгоде, чем и определяются его эгоистические действия. В-третьих, экономический человек рационален. Зная, в чем состоит его выгода, он выбирает свои цели и просчитывает издержки, плюсы и минусы, связанные с этим выбором. Все эти качества по существу изложены в первой главе третьей части книги Ж.Т. Тощенко. Но можно ли считать эти качества, эти черты парадоксальными или они являются предпосылками парадоксов экономического сознания?

Р.М. Нугаев (профессор): Результаты, выводы и оценки автора перекликаются с нашими собственными исследованиями базовых ценностей жителей Республики Татарстан. Исследование (случайная выборка, N = 800 чел., весна 2000 г.) показало, что в общественном сознании возникают противоречия между новыми духовными образованиями и старыми, соответствующими предыдущим укладам общественной жизни. Особенно ярко это проявляется в парадоксах в основных видах человеческой деятельности - экономической, политической и нравственной. Укорененность традиционных ценностей вступила в противоречие с новыми либеральными ценностями, что иногда парадоксальным образом уживается и с национальным, и с интернациональным, и социалистическим.

Наши исследования показывают, что чуть ли не единственным значительным разрывом с традиционной советской системой ценностей является распространение религиозных ценностей - христианских (51,0%) и исламских (43,6%). Важно, что часть опрошенных - 21,1% - рассматривают религию в качестве конструирования этнической идентичности. Для 17,3% религия "указывает единственно возможный и верный путь к спасению", а для 16,5% - "подсказывает, как поступать в тех или иных жизненных ситуациях". Таким образом,

только треть религиозно-настроенных граждан РТ воспринимает религиозные ценности в их традиционном виде. Для большинства жителей характерна инструментальная интерпретация.

Вторая черта массового сознания, свидетельствующая об определенном отходе от традиционной системы ценностей — возрастание роли этнических ценностей. Так, 65,2% опрошенных "стремятся придерживаться обычаев своего народа". 41,1% респондентов полагают, что увеличение в последние годы внимания к национальным культурам, языкам, образованию связано с ростом национального самосознания, и только 21,7% считают, что "это вызвано интересами политических властей", а 20,1% - что "это временный интерес после длительного периода невнимания". 81,3% опрошенных согласны с тем, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной культуры.

Ю.Р. Хайруллина (д.с.н., зав. кафедрой социологии Казанского государственного энергетического университета): Ж.Т. Тоценко предлагает социологическую интерпретацию феномена реального сознания и считает, что его характеризует отчасти гармоничный или противоречивый синтез элементов теоретического и обыденного, сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззрения, традиций и привычек. Такая постановка вопроса, на мой взгляд, представляет методологию выявления и осмысления спектра основных современных социальных ценностей, жизненных ориентаций, образцов поведения, которые выступают объектом идентификации различных социальных общностей в процессе социализации. Предпринятые мною исследования подтверждают разнородность, многообразие, позитивность и непоследовательность усвоения всех вышеобозначенных элементов отдельными социальными общностями - социально-демографическими, этническими и другими социальными группами. К диагностируемым парадоксам можно отнести выявленные в ходе моего исследования неравномерность усвоения ценностей различных сфер жизни в условиях социальной трансформации: приоритет экономических, умеренность этнических, рост религиозных, ослабление политических и духовных и другие характеристики социализации как системы и процесса.

А могут ли методы социологии ответить на затронутые вопросы о парадоксальности?

Л.А. Бурганова: Думается, что социологический анализ парадоксов в сознании и поведении людей требует применения не столько количественных, сколько качественных методов исследования, которые способствовали бы адекватному пониманию, расшифровке смыслов, которые вкладывают люди в свои суждения и действия. В самом процессе познания постоянно присутствуют герменевтическая апория, постоянный напряженный вопрос: следует ли понимать слова и действия людей так, как они сами себя понимают, или так, как возможно их понять в контексте современной культуры? От адекватного истолкования того или иного высказывания, действия зависит и понимание сущности того или иного парадокса. Поэтому необходим междисциплинарный синтез при изучении такого феномена как парадоксы сознания и поведения, с опорой на достижения этнометодологии, герменевтики и других наук.

Ю.Р. Хайруллина: Обсуждаемая монография обогащает и дополняет выработанным категориальным аппаратом имеющиеся работы по проблемам социализации, идентификации личности, формированию общественного сознания, ценностных ориентаций, ролевого поведения. Она может выступить в качестве общей социальной теории в условиях радикальной модернизации. Она также способна стать теоретико-методологической базой для дальнейших прикладных исследований, поскольку многие ее положения и выводы требуют дополнительной эмпирической интерпретации с помощью новых социологических данных: макро- и микроуровня, общесоциального или регионального.

Материал подготовили Л.А. БУРГАНОВА, Л.В. ИВАНОВА